

«ЕНАРАЛ»

Беседа с игуменом Довмонтом (Беляевым) о власти и властолюбии

07.02.20

«Да, я хочу стать епископом, – с вызовом говорит юноша в подряснике, студент одной из провинциальных духовных семинарий. – Написано же, чтобы вы молили Господина жатвы о ниспослании делателей. Я – один из таких делателей, и я хочу быть епископом. Это же логично в конце концов: “Плох тот солдат, который не хочет стать генералом”. Я согласен на испытания, даже унижения, но при одном условии: если они приведут меня к сану».

Такая логика вызвала у собеседников семинариста не просто потрясение и печаль – отторжение: «Не дай ему Бог принять сан! Нашелся “пастырь”. Делатель. Енарал».

Были и другие эпитеты, но я предпочел обратиться к человеку, имеющему способность к взвешенным суждениям. Он осторожно обращается с эмоциями, и ответы его поэтому спокойны. Проще говоря, я опять напросился в гости к отцу Довмонту в Ивангород. «Дело есть, батюшка. Можно приехать?» – «Опять чайник ставить, что ли? Приезжайте».

Приехал. Сидим, беседуем. Пересказал я ему возмутившую провинциальных студентов историю.

– Отец Довмонт, что можно сказать людям, которые искренне считают, что плох тот монах, который не хочет стать епископом, по примеру: «плох тот солдат, который не хочет стать генералом»?

– Начать читать Евангелие, в конце концов! Не глазами, а умом и сердцем. Ведь с евангельской-то, христианской точки зрения всё совсем наоборот!

Господь Иисус Христос учил Своих учеников так:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20: 25–28), «ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18: 14), – этими словами заканчивается притча о мытаре и фарисее.

А еще в Евангелии от Луки сказано Господом:

«Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: “уступи ему место”; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но, когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: “друг!

пересядь выше”; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14: 8–11).

Опять вывод тот же: «всяк возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий возвысится».

– И что значат приведенные вами цитаты в современном мире?

– В любом мире – что тысячи лет назад, что через сто – желать первенствовать в Церкви – это значит желать пить Чашу Христовых страданий.

Вот это, интересно, понимают те юнцы, которые хотят стать епископами? Способны ли они принять хотя бы малую толику этих страданий по-христиански, так, как это сделали апостолы? Ведь подлинная власть в Церкви не ведет к, как это сейчас называют, «комфортному» существованию. Тем, кто стремится к этому самому «комфорту», я бы от души посоветовал искать себя на другом поприще.

– То есть не обманывать себя?

– Ни себя, ни других. Не нужно играть в театр. Дешевое зрелище. Лицемерие. Хотите театра – идите в актеры, но не в Церковь.

– Вы привели пример апостолов, их отношения к данной им духовной власти. Но сначала даже апостолы неправильно понимали свое призвание. На пути в Иерусалим, где Христа ожидала позорная казнь на кресте, они не понимали этого. Они спорили, кто займет первое место в Его Царстве... И они, между прочим, верили, что Христос – Бог.

– Спорили, потому что хотели власти на земле, царства земного, а не Небесного. Но Господь строго предупредил их:

«Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня

по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф. 20: 22–23).

Только потом, после Воскресения и Пятидесятницы, они поймут, что значит жребий апостольства и чаша Христовых страданий. Ведь почти все они приняли мученический венец.

– Апостол Павел так говорит о служении епископа:

«Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннлюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1 Тим. 3: 1– 7).

Помнится, святого Амвросия, того самого – автора «Te Deum» («Тебе Бога хвалим»), великого святителя, спасшего от смерти тысячи людей, учителя святого Августина, – по всему Милану ловили, чтобы поставить в епископы, – он вообще сбежал от православных, потому что, зная требования к епископам, не считал себя достойным. Скрывался, боялся.

Итак, все ли условия, названные апостолом Павлом, соблюдаются сейчас?

– Нет, не все. К слову сказать, изначально епископское и пресвитерское служение никак не были связаны с безбрачием и монашеством. И апостолы имели семьи (вспомним Петрову тещу). Но само развитие истории Церкви привело в конце концов к безбрачному епископату.

Еще тот же апостол Павел писал:

«Если и женишься, не согрешишь; и, если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль. Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не

плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7: 28–31).

– Что имел в виду апостол?

– Всё очень просто: наступала эпоха гонений. Епископ, связанный семейными узами, более уязвим. Если сам он не боится страданий за Христа, то семья, дети могут не выдержать. Вот почему апостол Павел говорил: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться как я...» (1 Кор. 7: 8). У апостола семьи не было. Женатым же он предрекал скорби по плоти. И действительно, в период гонений на Церковь именно по епископам наносится первый удар. Именно в те времена созревает традиция безбрачного епископата.

– Но, отец Довмонт, если епископы изначально занимались пастырским окормлением христианских общин в городах, то монашество развивалось как совсем иной вид служения. И расцвет монашества приходится как раз на время окончания гонений и, как кажется, внешнего благоденствия Церкви.

– Да... Когда императоры Рима становятся христианами, статус Церкви в империи резко изменился. Теперь христианство становится престижным или, используя приведенную вами студенческую лексику, «комфортным». Членами Церкви становятся патриции, придворные вельможи. Римская аристократия делает щедрые пожертвования епископам и духовенству на нужды Церкви. А может, и так: «на нужды Церкви» – кавычки здесь важны. На смену темным катакомбам, в которых молились и скрывались гонимые христиане, приходит пора величественных базилик и храмов с просторными баптистериями. Стены которых сверкают золотом мозаик. Но сама Римская империя в IV веке находилась в стадии упадка.

Особенно должно было усилиться бегство от мира тогда, когда готовы были рухнуть самые мощные силы этого мира – Римская империя и греко-римская культура. В Египте уже в IV веке возникло монашество в виде особого учреждения, созданного ради ясно осознанной цели. Одни находили, что мир есть царство гибели, от которого надлежит совершенно отречься; другие полагали, что мир, лежащий во зле, должен быть покорен для Бога влиянием монашества. Первый взгляд есть взгляд древнейшего монашества, сохранившийся в наибольшей чистоте в восточном, православном монашестве; второе воззрение пыталось осуществить на практике главным образом западное, католическое монашество.

Именно дух «мира сего» вошел в церковную жизнь вместе с эпохой окончания гонений на христиан. И монашество стало своего рода протестом против обмирщения церковной жизни. Первоначально у монастырей не было определенных отношений к церковной иерархии. Древние подвижники-анахореты – такие как Павел Фивейский, Антоний Великий и ряд других – не были священниками. Мало того, непринятие сана было изначально само собою разумеющимся правилом древнего монашества.

– Вот как? Не знал.

– Игумен (от греч. ἡγούμενος – «ведущий») монастыря не был священником. Его избирала братия, и он был таким же братом.

Разница лишь в том, что, становясь игуменом, брат уже не мог оставаться самим по себе. Он с момента избрания должен был стать отцом для монашеской общины. То есть испить ту самую Чашу Христовых страданий. Монахи не получали священного сана и для совершения богослужения приглашали посторонних священников; затем стали ставить из числа лучших монахов священников для богослужения исключительно в монастыре, а не для мирян; лишь в очень позднее время сложился существующий ныне в Русской Церкви обычай возводить почти всех грамотных монахов по выслуге лет в сан иеродиакона или иеромонаха. По правилам IV Вселенского Собора монахи были причислены к клиру и подчинены ведению епархиальных архиереев. Итак, идеал духовной жизни в восточном монашестве – это диада: старец (восприемник в постриге) и его ученик.

– Так откуда же всё-таки возникли эти карьерные стремления, рассказами о которых, уверен, мучаю вас не я один?

– Как вы говорите: «плох тот солдат, который не хочет стать генералом»?

– Это не я говорю...

– Да. Так вот, как я уже упоминал, на Западе монашество пошло по иному пути, а можно сказать, и вся Западная Церковь.

Тот главный постулат: мир, лежащий во зле, должен быть покорен для Бога влиянием монашества и Церкви. Причем покорен не только в духовном, но и в прямом административно-политическом смысле. Особенно активно эти идеи продвигались в католичестве возникшим в XVI веке монашеским орденом иезуитов (Societas Jesu, Общество Иисуса, 1534). Но монахи-иезуиты пошли еще дальше. От борьбы за территории они перешли к борьбе за умы и души молодежи. Лучшими школами Европы в XVII–XVIII веках стали иезуитские коллегии. Выпускниками этих коллегий были такие известные люди, как Декарт, Вольтер и другие деятели европейской культуры. Именно по образцу иезуитских коллегий устроит в XVII веке и свою духовную академию в Киево-Печерской Лавре митрополит Петр Могила. И ее выпускниками станут большинство архиереев, поставленных на русские кафедры императором Петром Великим. Именно в этот период западная иезуитская система образования получает распространение в России.

Вот как рассказывает Е. Поселянин в жизнеописании митрополита Дмитрия Ростовского устройство занятий в семинарии, которую организовал святитель при своем митрополичьем доме:

«Интересен порядок жизни семинаристов, заимствованный из тогдашних латино-иезуитских заведений. Дурные ученики сидели сзади. Лучший назывался император и сидел впереди на особом месте, которое всякий новый император занимал с особым церемониалом. Рядом с императором сидел первый сенатор. Все это развлекало учащихся в их жизни, которую и без того нельзя назвать скучной» (Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века). Как видим, карьеризм не только не порицался, но всячески приветствовался. Если ранее в восточной традиции священнослужение считалось подвигом, а епископская власть крестом, причем не просто считалась, а таковым и была, то благодаря иезуитской системе образования священство становится просто профессией.

– Теперь понимаю некоторых ребят в подрясниках: «Just business».

– Вот-вот. Из чадолюбивого отца епископ становится просто сухим администратором, а сама Православная Церковь получает статус «духовного ведомства» при государственной власти, лишившись патриаршества в 1721 году. Кстати, именно слово «администратор» стало сейчас наиболее популярным применительно к епископскому служению. Сейчас! Увы! Но возникает вопрос, разве именно это имел в виду апостол Павел, когда говорил: «Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто

соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11: 28–29).

– А разве просто администраторами были святитель Николай или Спиридон Тримифунтский? Пример святителя Амвросия Медиоланского я уже приводил.

– Именно как любящие отцы относились они к своей пастве. За каждого человека у них болело сердце. Вот почему святитель Николай тайно подбрасывал кошельки с золотом в семью, где обезумевший от горя отец от нищеты хотел отдать своих дочерей в публичный дом. Но благодаря милосердию епископа дочерей выдали замуж, и души и тела были спасены. А святитель Спиридон в Великий пост, когда к нему в дом пришел падающий от усталости путник, сначала накормил его вяленным мясом и только потом начал беседовать с ним. Вот почему спустя много столетий люди не могут забыть то добро, которое сделали эти святые, и до сих пор почитают их и обращаются к ним в молитвах за помощью.

А сегодня во многих высоких кабинетах своим собратям по служению многие талантливые «администраторы» даже стакан чая не предложат. Да что там чай! К некоторым без предварительной записи и не попасть просто. Интересно, была ли предварительная записка к апостолу Павлу или Петру? Стать «талантливым администратором» может любой бойкий карьерист. А вот любящим отцом может стать далеко не каждый. Но именно в таких отцах как никогда нуждается сегодня святая Православная Церковь.

– Обратимся к тем, которых мы не боимся, а любим, – к настоящим старцам. Вот отец Павел (Груздев) или отец Николай Гурьянов простые вроде священники. Но почему мы можем говорить, что они обладали какой-то властью? Какого рода эта их власть? В чем она выражается? И почему я, несмотря на все мое отношение к власти имущим, сформировавшееся в советское время, с почтением и благодарностью принимаю эту их власть?

– Власть старцев – власть родительская. Они не повелевали. Они советовали и молились. Ведь властвовать по должности и добиться уважения подчиненных – это непросто. Можно заставить бояться. Но заставить любить себя нельзя. Молитва и искренняя любовь, забота, ношение вашего бремени – вот те условия, из-за которых мы не просто признаём власть настоящих старцев, но и стремимся к подчинению им. То есть это власть Христова.

– Как бороться с властолюбием и его проявлениями? Помогает ли добрый юмор в этом деле?

– Всё зависит от интеллекта и культурного уровня властителя. Где-то юмор может помочь. Но в большинстве случаев юмор действует так: «Тому, кто смеется, шутка жизнь

продлевает, а тому, кто шутит, наоборот, укорачивает», – так шутил в пьесе Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен» главный герой пьесы. Поэтому по поводу смеха можно сказать, что добрый смех не является грехом. Хорошо смеяться над своими недостатками. Но над недостатками ближних мы не должны смеяться или осуждать их. За них мы должны молиться независимо от их сана. Священнослужитель это или мирянин. Ведь все они – наши ближние. Без которых мы не спасемся.

С игуменом Довмонтом (Беляевым)

беседовал Степан Игнашев

<https://pravoslavie.ru>